

Александр Строев
Россия и Франция Просвещения
Монархи и философы, писатели и шпионы.

Я хотел назвать книгу иначе: « *C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière* » *La Russie et la France au XVIIIe siècle*, а далее обыгрывать в тексте метафоры Просвещения, света, Севера. Но издатель решил иначе и получились «короли и капуста», не без сходства с заглавием книги В.А. Мильчиной. По сути, это «Авантюристы» двадцать лет спустя, ибо французское издание *Les Aventuriers de Lumières* вышло в 1997 г. Для этой книги я использовал статьи, написанные в разные годы и на разных языках, переработал их и добавил новые главы.

В первой части «Путешествия и путешественники» я анализирую место России и Франции на ментальной карте мира, стереотипы восприятия иной страны и их переосмысление в политических и полемических текстах. В том числе, показываю, как Франция создает контрастные образы Китая и России и как информация циркулирует между тремя странами, как Никола-Габриель Лекрер посвящает Павлу Петровичу книгу о Конфуции, где под видом китайской философии излагает материалистические тезисы «Энциклопедии» и пропагандирует теорию физиократов.

Вторая часть «Царица Просвещения» посвящена женщине моей жизни – Екатерине II, ее собеседникам, корреспондентам, почитателям, от шевалье д'Эона, к Вольтеру, Казанове, Гримму (ему мог и больше места уделить, но не хотел перегружать книгу), принцу де Линю, Сенаку де Мейяну. Как обычно, добавил некоторое число архивных документов и писем, позволяющих, в числе прочего, доказать, что Сенак де Мейян написал книгу против Дюмурье и послал ее императрице.

Третья часть «Война перьев: дипломатия, шпионаж и история» показывает, как французские дипломаты находили информаторов и агентов влияния в ближайшем окружении великого князя, как написание истории России становилось оружием политической борьбы. Я разбираю поддельные политические завещания (Вольтера, Фридриха II, Петра I, Екатерины II и др.) как особый жанр и именно в этом контексте анализирую знаменитые фальшивки.

Среди французских писателей на первый план вышли Вольтер, что вполне закономерно, и Сад, почти неожиданно для меня. Раньше, говоря о нем, я прибегал к метафоре «тень Просвещения», а теперь, похоже стал считать его истинным философом Просвещения.

Для знающих французский язык в приложении: оглавление книги, предисловие и послесловие и четвертая страница обложки.